

Увидев эти доказательства, присутствующие невольно испытали потрясение. Они широко раскрыли глаза и с изумлением уставились на разложенные перед ними улики, словно перед ними предстал совершенно незнакомый Цзинь Гуаншань.

Кто бы мог подумать, что Цзинь Гуаншань, который в годы учебы в клане Лань всегда улыбался, вел себя изысканно и был воплощением учтивости, на самом деле скрывал столь глубокий расчет и коварные замыслы?

Вспоминая те дни, проведенные в клане Лань, все помнили Цзинь Гуаншаня мягким, добропорядочным и честным человеком. Он был вежлив со всеми, прекрасно ладил сокурсниками и снискал всеобщие похвалы как за свои познания, так и за нравственные устои.

Однако никто не ожидал, что эти неопровержимые улики станут подобны острому мечу, который безжалостно прорвет его фальшивую маску и обнажит перед всеми истинное лицо, скрывавшееся в тени. Эта внезапно открывшаяся правда заставила людей кардинально изменить свое мнение о нем.

Хуай Ли оставил реакцию окружающих без внимания. Его взгляд был прикован к Лань-сенью, и он продолжил:

— Лань-сеньоры, дошло до того, что неужели вы все еще можете настаивать на том, что семейные правила вашего клана Лань из Гусу имеют реальный смысл? Я, конечно, понимаю: без умысла и правил не построить порядок — это истина, неизменная с древних времен. Но разве семейные уставы вашего почтенного клана не слишком суровы и бесчеловечны?

Его слова были резкими и прямыми, он без всяких смущений подверг сомнению правила и наставления клана Лань из Гусу. Столь смелый поступок, несомненно, бросал вызов традициям клана Лань из Гусу, отчего лица всех его членов, присутствовавших здесь, резко изменились.

Столкнувшись с вопросом Хуай Ли, люди из клана Лань из Гусу какое-то время просто не знали, что ответить. В конце концов, семейные правила всегда были гордостью и главным ориентиром их рода, а теперь кто-то так открыто ставил их под сомнение — это одновременно шокировало и озадачивало их.

Супруги Вэй Чанцзэ, а также супруги Не До тоже застыли с приоткрытыми от удивления ртами: они никак не ожидали, что Хуай Ли окажется настолько дерзким, это просто превосходило все их воображение. Какое-то время они молча переглядывались, не зная, что и сказать.

Однако в этот самый момент, когда все пребывали в шоке, четвертый старейшина клана Лань из Гусу — Лань Юй — неожиданно захлопал в ладоши и громко одобрил:

— Цижэнь, я же давно говорил, что твои семейные правила и заветы просто донельзя суровы и извращены! Перед лицом людей с дурными помыслами и скрытыми намерениями от подобных

правил нет никакой пользы. Напротив, они служат лишь инструментом для сокрытия их истинных целей!

На сей раз даже молчаливый второй старейшина — Лань Юнь — не стал возражать, а лишь с серьезным видом кивнул.

Как выяснилось, этот четвертый старейшина всегда выступал против измененных Лань Цижэнем семейных правил, но вовсе не потому, будто в самом своде правил крылась ошибка. Он прекрасно понимал, что в любом клане без правил не обойтись, однако такие пункты, как: не проявлять великой радости, не поддаваться великой скорби; не передвигаться поспешно и опрометчиво; не судачить за спиной о чужих достоинствах и недостатках; не есть больше трех чаш; не шуметь и не галдеть; не перебирать едой, не пить алкоголь... и тому подобное — всё это вполне можно было бы сократить.

Услышав слова четвертого старейшины, Лань Цижэнь побагровел от гнева, его губы задрожали, а усы на подмостках лица затряслись вместе с ними. Широко раскрытыми глазами он уставился на четвертого старейшину так, будто собирался извергнуть пламя. В конце концов, Яочэнь-цзюнь был посторонним человеком, и если бы высказался он, это еще куда ни шло, но четвертый старейшина — совсем другое дело. Он принадлежал к прямой ветви клана, и получить от него такую пощечину для Лань Цижэня, разумеется, было невыносимо обидно.

Сидевший рядом Цинхэн-цзюнь, заметив это, поспешно и мягко успокоил младшего брата:

— Цижэнь, не сердись, остынь. На самом деле в словах четвертого старейшины не все лишено смысла. Конечно, любому клану необходимы правила для поддержания порядка, но некоторые семейные уставы действительно излишне строги, и этого мы тоже не можем не замечать.

Произнося это, Цинхэн-цзюнь слегка похлопал Лань Цижэня по плечу, пытаясь вернуть ему хладнокровие. Под утешениями старшего брата Лань Цижэнь постепенно успокоился, хотя оста остаточные следы гнева еще таились в его душе. Он свирепо зыркнул на четвертого старейшину, а затем отвернулся, больше на него не глядя.

Убедившись, что буря в душе Лань Цижэня улеглась, Цинхэн-цзюнь продолжил:

— Давайте лучше сначала послушаем, что хочет рассказать Яочэнь-цзюнь, а когда разберемся во всем, тогда вместе и обсудим вопрос семейных правил.

— Верно, Цижэнь. Пусть мне и не по душе болтливый и взбалмошный нрав четвертого старейшины, но на сей раз мне кажется, что он говорит дельные вещи.

Хотя на сердце у Лань Цижэня все еще оставалось недовольство, к словам старшего брата он прислушивался охотно, поэтому кивнул в знак согласия.

Лань Цижэнь глубоко вздохнул, стараясь окончательно унять бурю в душе. Он повернулся к Яочэнь-цзюню, давая понять, что тот может начинать свой рассказ. Заметив, что обстановка разрядилась, Хуай Ли сделал небольшой глоток чая, чтобы смочить горло, и продолжил:

— Лань-сеньор, пока оставим в стороне эти семейные правила: одно из главных ядер свода заветов вашего клана Лань из Гусу — не судить о людях и вещах, не зная картины целиком — в дальнейшем соблюдал лишь один маленький Лань Чжань. И кто бы мог подумать, что именно из-за этих самых так называемых правил Лань Чжань чуть было не расстался с жизнью, ведь в вашем клане Лань не нашлось ни единого человека, кто прислушался бы к его словам.

Будущий глава клана Лань из Гусу, Лань Хуань, неожиданно совершил ту же ошибку, что и наставник Цинхэн-цзюня, — слепо доверился другу. Более того, что еще удивительнее, он не только с легкостью отдал высшую жетонную пластинку для прохода в клан Лань из Гусу, но и проявил полнейшее недоверие к собственному родному брату, при этом слепо веря брату названному.

Для человека, управляющего столь великим кланом, подобная наивность и доверчивость вызывают серьезную тревогу. Это, несомненно, обнажает упущения Цинхэн-цзюня в воспитании детей. В конце концов, вы, будучи отцом, несете ответственность за то, чтобы научить своих чад отличать правое от неправого, защищать интересы клана и правильно выстраивать межличностные отношения.

Столкнувшись с беспощадной критикой Хуай Ли по имени, Цинхэн-цзюнь совершенно растерялся. Похоже, он никогда прежде не думал, что в общении с Хуай Ли вдруг окажется в роли неразумного младшего. Это ощущение было для него внове, однако в глубине души он не испытывал к Хуай Ли ни малейшего гнева. Лицо же Лань Цижэня помрачнело, но, видя, что старший брат не спешит возражать, ему оставалось лишь заглотить эту обиду.

То, с какой торжественной и суровой миной Хуай Ли осмелился столь вольно рассуждать о главе великого клана, Мо Жань видел впервые в жизни. Стоило вспомнить, что раньше в его присутствии Хуай Ли никогда не вел себя подобным образом. Пока Мо Жань размышлял об этом про себя, Хуай Ли, словно заметив его взгляд, вдруг едва заметно повел бровью. Этот жест мгновенно пробудил в Мо Жане давнишнее чувство узнавания, словно перед ним наконец предстал тот самый настоящий Хуай Ли.

Для Хуай Ли облачаться в строгие одежды перед Мо Жанем было сродни самоубийству! Следует помнить, что Мо Жань был тем самым человеком, заполучить которого он жаждал всеми силами своей души; если же всегда держаться столь чопорно, то о том, чтобы покорить Мо Жаня, можно было и не мечтать до конца дней.

Поэтому при общении с Мо Жанем Хуай Ли прекрасно понимал, что необходима особая стратегия. А именно — сахарная пудра в пушечных ядрах! Окутать Мо Жаня сладкими речами и нежной заботой, заставить его прочувствовать свою любовь и участие. Только так можно было постепенно пробить оборону в сердце Мо Жаня и в конце концов успешно заключить его в свои объятия.

Впрочем, когда дело касалось тех, кто вершил судьбы клана, ситуация выглядела совершенно иначе. В подобных обстоятельствах Хуай Ли был обязан держаться сдержанно и строго, не допуская ни малейшего легкомыслия или небрежности. Лишь так он мог продемонстрировать свои способности и величие, удержать в узде всю сцену и заставить каждого проникнуться к нему уважением.

Слова Хуай Ли заставили супругов Вэй Чанцзэ и супругов Не До погрузиться в глубокие раздумья: грехи детей падают на отцов — это железное правило существовало во все времена. Это также заставило их крепче задумываться над воспитанием собственных детей, по крайней мере, научить их не доверять первому встречному и держать ухо востро. В конце концов, этот мир слишком сложен, человеческие сердца непредсказуемы, и если ребенок окажется слишком наивен, его легко смогут обмануть и причинить ему вред.

Хуай Ли совершенно не осознавал, что его сегодняшние слова, подобно брошенному в гладь озера камню, взметнули круги ряби в душах всех присутствующих родителей. Эти матери и отцы начали втайне рассуждать: не следует ли им уделить больше внимания воспитанию детей, обучая их тому, как защитить себя и как отличать добро от зла.

Никто не пожелал бы увидеть, как его собственный ребенок из-за излишней наивности сталкивается с ненужной болью и неудачами. С этой секунды в сердцах родителей поселилась новая доля ответственности и тревоги; они решили еще усерднее направлять и воспитывать своих детей, чтобы на их жизненном пути было меньше крутых поворотов и больше навыков самозащиты.

<http://bllate.org/book/20051/1982113>